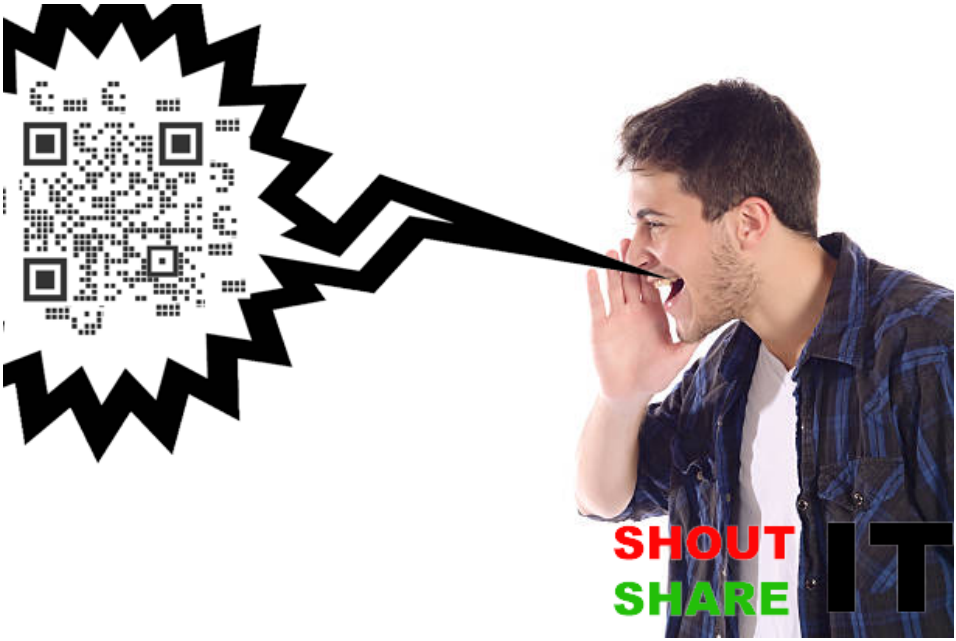
Герда Грау

ДУМАЙ О ГАЛАКТИКАХ, БЭБИ!


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Надежда умирает последней. Даже если это надежда всего человечества.

- ○ Глава 1

Думай о галактиках, бэби!

Глава 1

— Смирение, — философски сказал Ван, и постучал костяшкой пальца по металлической пластинке в двери. — Когда ничего нельзя изменить, остается делать вид, что все под контролем, хотя ты ни черта не понимаешь и в глубине души можешь быть абсолютно против.

— Смирение — другое имя усталости, — отозвалась Дьюи. — Постучи погромче, я замерзла.

— Если бы ты достигла просветления, тебя не волновали бы такие мелочи, — он снова постучал по пластинке. — Здесь нельзя шуметь, кстати.

— Почему?

— Горы нестабильны. Риск любого такого Дандарата.

— Какого еще Дандарата?

— Так, читал где-то про монастырь с таким названием, еще в детстве.

— До Третьего Удара?

— До Второго. Я старше, чем кажусь.

Дверь распахнулась и лысый старик в бесформенной одежде терпеливо уставился на пришедших, спрятав морщинистые руки в длинные широкие рукава.

— Мы просили о встрече, — неловко сказал Ван. — Нам обещали содействие. Это Дьюи, а я Ван из Международной…

— Не надо, — вдруг ясным и трезвым голосом произнес старик. — Я вас вижу. Вы можете войти.

Ван и Дьюи переглянулись, скинули одновременными движениями капюшоны парок и переступили порог. В помещении было темно, но дальняя дверь вела куда-то, где явно горел огонь. После бесконечных просторов белизны под серыми тучами яркий желтый свет вызывал желание плакать.

— Я проведу вас, но разговаривать с ним вам придется самим, — предупредил старик. — Не исключено, что он не захочет вам помочь, как не исключено и обратное.

— Подождите, если он не хочет помочь, зачем согласился на встречу? — насторожилась Дьюи.

Старик пожал покатыми плечами.

— У него нет своих желаний, — ответил он. — Здесь их ни у кого нет. Помощь зависит от вашего желания получить ее.

Они втроем остановились перед деревянной дверью с железным кольцом, которым старик еле слышно звякнул, прежде чем войти. Ван поспешил за ним, чтобы увидеть знаменитость. Дьюи остановилась у него за плечом, недоуменно глядя на матрас

на полу, потом на своего спутника — по ее представлениям человек, избавившийся от всех желаний, должен быть как минимум совершеннолетним. Старик сдержал усмешку, отступил назад и растворился за дверями.

Знаменитости было от силы четырнадцать, может быть пятнадцать, возраст трудно читался на круглом, лишенном мимике лице. Большие уши на стриженой голове выглядели локаторами, словно у летучей мыши.

— Восемнадцать, — вдруг сказала знаменитость.

— Что восемнадцать? — глупо повторил Ван.

— Зим. Мне. Вы пришли узнать мой возраст?

— Нет. Конечно, нет.

Ван посмотрел в глаза-щелочки подростка, тот двинул надбровными дугами, лишенными растительности, что должно было означать не то поощрение, не то вежливое приглашение.

— Я не знаю, как начать, точнее, как объяснить, потому что все это совершенно антинаучный бред, но… — Ван набрал воздуха в легкие. — Одним словом, нам нужна астральная связь с космическим кораблем.

Глаза подростка все-таки раскрылись, они оказались черными, словно маслины, но вопросов он не задал, поэтому Ван продолжил:

— Колонисты улетели еще пятьдесят лет назад, по нашим подсчетам они должны были достигнуть Глизе в прошлом году, но никакой связи с ними нет уже несколько лет. Они наша единственная надежда.

— Почему? — в голосе подростка не было любопытства, только равнодушное уточнение обстоятельств.

— Черт его знает, — хмуро отозвался Ван, забыв, что разговаривает с монахом. — Не то природа обиделась, не то боги нас разлюбили все какие есть на свете. Планета гибнет. Если бы колонистам удалось основаться на Глизе, это дало бы людям надежду и цель. Сейчас у нас нет ни того, ни другого. Честно говоря, ничего у нас уже нет.

Он посмотрел на Дьюи, та сидела на полу, подперев щеки кулаками, и лицо ее было похожим на какого-то каменного божка.

— Помогите нам… как это назвать, даже не знаю, но ведь как-то вы это делаете, раз достигли боддхи. Они не могли умереть, корабельная система интеллекта защитила бы их от всего, что может случиться в космосе, я уверен, что люди живы. Так какого же…

Ван не договорил, тяжело дыша, Дьюи тоже хранила молчание. Знаменитый подросток подтянул к себе ноги и уперся

в колени круглым подбородком. В помещении наступила тишина, прерываемая только потрескиванием масла в светильнике. Черные тени плясали на стенах и Дьюи уже начала клевать носом, когда монах вдруг тоскливо произнес:

— Кретины вы конченые.

Ван вздрогнул и поднял голову, в немом недоумении уставившись на подростка — он не мог этого сказать. Но тот, двигая румяными губами, повторил ругательство.

— Я не… — растерянно начала Дьюи, но Ван вдруг схватил ее руку и сдавил пальцы.

Черные тени съежились, словно в помещении прибыло света. Подросток поднял голову и посмотрел на них с отчетливой мрачной злобой.

— Кто программировал этот сраный корабельный скайнет? Ты, Ванчик?

— Я, — пробормотал Ван, пытаясь определить, кто сейчас говорит с ним через чужой рот. — Вы целы?

— Целы, мать твою, все как есть, в крио-камерах плаваем в растворе, твой искин нам дровишек подбрасывает, чтобы мы окончательно не замерзли. Он же так был запрограммирован тобой, да? Чтобы мы ни в чем не нуждались?

— Высшее целеполагание, — слабеющим голосом ответил Ван. — Счастье людей приоритетно.

— Приоритетно, говоришь? А знаешь, что он сделал, когда мы вышли из прыжка? Никого он не разбудил. Он лег в дрейф! Он, сука, лег в дрейф, потому что на всем, мать его, корабле, не осталось ни одного человека, чьи желания нужно удовлетворять. Вечная жизнь, вечное блаженство. Гори ты в аду, придурок, вместе со своим счастьем.

Светильник с треском вспыхнул и погас, комната погрузилась в непроглядную темноту. Спустя минуту Ван грузно добрел до двери и вышел, споткнувшись на пороге. Дьюи догнала его, взяла под руку, но он не обратил на это внимания.

Подросток беззвучно прошел следом за ними и остановился на крыльце монастыря, задумчиво глядя на покрытую мертвым пеплом пустыню и оранжевый ряд монахов, бесстрастно перебирающих четки с закрытыми глазами.